

Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856)

«...в разумном существе все выдает его затаенную мысль; весь человек целиком сообщается ближнему, и так происходит зарождение сознаний.»

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА*

/ТЕЗИСЫ для ЕЛЕНЫ/

Истина же для женщины, как сказал Жан Ануй, - это нечто столь хрупкое, столь зыбкое, столь многогранное...- "Ну, конечно, я права! Тут и доказывать нечего. Но уж если ему нужны какие-то доказательства, то какая разница, что я ему скажу --- лишь бы он, наконец, отстал!"

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Adveniat regnum tuum
Да придет царствие твое^[1]

Сударыня.

В жизни есть обстоятельства, относящиеся не к физическому, а к духовному бытию; пренебрегать ими не следует; есть режим для души, как есть режим и для тела: надо уметь ему подчиниться. Я знаю, что это старая истина, но у нас она, кажется, имеет всю ценность новизны. Одна из самых прискорбных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и дате у народов, гораздо более нас отсталых. Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его современному состоянию, на нас не оказали никакого действия. Впрочем, то, что издавна составляет самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение. И, к примеру сказать, вы, сударыня, столь счастливо одаренная для восприятия всего доброго и истинного на свете, вы, как бы созданная для испытания всех самых сладостных и чистых душевных наслаждений, чего вы, спрашивается, достигли при всех этих

^[1] Евангелие от Матфея, 6, 10.

преимуществах? Вам все еще приходится разыскивать, чем бы наполнить даже не жизнь, а только текущий день. Впрочем, вы совсем лишены того, что создает необходимые рамки жизни, естественно вмещающие в себя повседневные события, а без них так же невозможно здоровое нравственное существование, как без свежего воздуха невозможно здоровое состояние физическое. Вы понимаете, дело пока еще не идет ни о нравственных принципах, ни о философских положениях, а просто о благоустроенной жизни, об этих привычках, об этих навыках сознания, которые придают уют уму и душе, непринужденность, размеренное движение.

Взгляните вокруг. Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении. Ни у кого нет определенной сферы деятельности, нет хороших привычек, ни для чего нет правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что привязывает, что пробуждает ваши симпатии, вашу любовь; ничего устойчивого, ничего постоянного; все течет, все исчезает, не оставляя следов ни во-вне, ни в вас. В домах наших мы как будто определены на постой; в семьях мы имеем вид чужестранцев; в городах мы похожи на кочевников, мы хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы к нашим городам.

Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, – вот печальная история нашей юности. **Поры бьющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа – ничего подобного у нас не было.**

Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица.

В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон^{2[5]}, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления.

Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной.

Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили

---

^{2[5]} См.: Цицерон. Об ораторском искусстве, XXXV, 120.

самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы.

Народы – существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают вена, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру. Конечно, не пройдет без следа и то наставление, которое нам суждено дать, но кто знает день, когда мы вновь обретем^{3[6]} себя среди человечества и сколько бед испытаем мы до свершения наших судеб?

Народы Европы имеют общее лицо, семейное сходство. Несмотря на их разделение на ветви латинскую и тевтонскую, на южан и северян, существует общая связь, соединяющая их всех в одно целое, явная для всякого, кто углубится в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа носила название Христианского мира и слово это значилось в публичном праве.

Проведите параллель с тем, что делается у нас, и судите сами, какие элементарные идеи мы можем почерпнуть в повседневном обиходе, чтобы ими так или иначе воспользоваться для руководства в жизни?

Хотите знать, что это за мысли? Это мысли о долге, справедливости, праве, порядке. Они происходят от тех самых событий, которые создали там общество, они образуют составные элементы социального мира тех стран. Вот она, атмосфера Запада, это нечто большее, чем история или психология, это физиология европейского человека. А что вы видите у нас?

Вы можете заметить, всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм (**истина же для женщины, как сказал Жан Ануй, - это нечто столь хрупкое, столь зыбкое, столь многогранное...**-доп. А.В-М) Запада нам незнаком. В лучших головах наших есть нечто, еще худшее, чем легковесность. Лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу. В природе человека теряться, когда он не находит способа связаться с тем, что было до него и что будет после него; он тогда утрачивает всякую твердость, всякую уверенность; не руководимый ощущением непрерывной длительности, он чувствует себя заблудившимся в мире. Такие растерянные существа встречаются во всех странах; у нас это общее свойство.

---

^{3[6]} С переводом этого места возникает трудность. Чаадаев употребил здесь глагол «retrouveront», т.е. «вновь найти», «вновь обрести», и мы так и переводим его. Гершензон и Шаховской переводят этот глагол просто «обрести» (*СП II*. С. 113), хотя во французском тексте приведен именно названный глагол и для русского слова, употребленного ими, существует глагол «trouveront». Но задача здесь не просто лингвистическая, а семантическая. Почему Чаадаев пишет «обрести себя вновь», если, по его мнению, Россия никогда прежде (в истории) не находила себе места в совокупном человечестве?

Небезынтересно отметить также, что в тексте *ФП I*, напечатанном в «Телескопе», этой строки вообще нет (*СП II*. С. 9).

Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы. В чужих краях, особенно на Юге, где люди так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица своих земляков с лицами местных жителей и бывал поражен этой немотой наших лиц.

Я, конечно, не утверждаю, что среди нас одни только пороки, а среди народов Европы одни добродетели, избави Бог. Но я говорю, что для суждения о народах надо исследовать общий дух, составляющий их сущность, ибо только этот общий дух способен вознести их к более совершенному нравственному состоянию и направить к бесконечному развитию, а не та или другая черта их характера.

Незначительное меньшинство мыслит, остальная часть чувствует, в итоге же получается общее движение. Это справедливо для всех народов земли; исключения составляют только некоторые одичавшие расы, которые сохранили из человеческой природы один только внешний облик. Первобытные народы Европы, кельты, скандинавы, германцы, имели своих друидов^{4[7]}, своих скальдов^{5[8]}, своих бардов^{6[9]}, которые на свой лад были сильными мыслителями. Взгляните на народы северной Америки, которых искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов: среди них имеются люди, удивительные по глубине. А теперь, я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?

А между тем, раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара.

Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь.

---

^{4[7]} Друиды – жрецы у кельтов.

^{5[8]} Скальды – средневековые норвежские и исландские поэты.

^{6[9]} Барды – певцы древних кельтских племен.

Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера. Когда-то великий человек^{7[10]} вздумал нас цивилизовать и для того, чтобы приохотить к просвещению, кинул нам плащ цивилизации; мы подняли плащ, но к просвещению не прикоснулись. В другой раз другой великий монарх^{8[11]}, приобщая нас к своему славному назначению, провел нас победителями от края до края Европы^{9[12]}; вернувшись домой из этого триумфального шествия по самым просвещенным странам мира, мы принесли с собой одни только дурные идеи и гибельные заблуждения, последствием которых было неизмеримое бедствие, отбросившее нас назад на полвека^{10[13]}. В крови у нас есть нечто, отвергающее всякий настоящий прогресс.

Одним словом, мы жили и сейчас еще живем для того, чтобы преподать какой-то великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его; пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в интеллектуальном порядке. Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба.

По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов.

Сколько ярких лучей тогда уже вспыхнуло среди кажущегося мрака, покрывающего Европу. Большинство знаний, которыми ныне гордится человеческий ум, уже угадывалось в умах; характер нового общества уже определился и, обращаясь назад к языческой древности, мир христианский снова обрел формат прекрасного, которых ему еще недоставало. До нас же, замкнувшихся в нашем расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило.

Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не созидалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы. Словом, новые

---

^{7[10]} Имеется в виду Петр I.

^{8[11]} Имеется в виду Александр I.

^{9[12]} Имеется в виду заграничный поход русской армии 1813 – 1814 гг.

^{10[13]} Имеется в виду восстание декабристов.

Здесь восстановлен текст «осуждения» декабристов, который был смягчен в изданиях Гагарина – Гершензона по сравнению с тем, что содержалось в оригинале, которым располагал Гагарин. В письме к «Александру Ивановичу» (вероятно, Герцену) от 17 июля 1860 г. Гагарин сообщал, что текст *ФПИ* он получил от Н.И.Тургенева. «Я по требованию Николая Ивановича, – писал Гагарин, – вычеркнул «дурные идеи и роковые ошибки» и напечатал» (*ГБЛ М 8526 24* – старый шифр, 1940) – далее следует текст, переведенный Гершензоном так: «идеи и стремления» (*СП II. С. 117*; Д.И.Шаховской перевел приведенные Гагариным слова несколько иначе, чем Гагарин: «дурные идеи и гибельные заблуждения», как и напечатано в нашем издании). Следует также отметить, что в оригинальном тексте и в варианте Тургенева – Гагарина. Там напечатано, что мы «принесли домой» «одне дурные понятия, гибельные заблуждения, которые отодвинули нас назад еще на полстолетия» (*СП II. С. 13*) – о бедственных последствиях речи нет.

судьбы человеческого рода не для нас свершались. Хотя мы и христиане, не для нас созревали плоды христианства.

В этом смысле христианская религия раскрывается не только как система нравственности, воспринятая в преходящих формах человеческого разума, но еще как божественная вечная сила, действующая всеобщим образом в духовном мире, так что ее видимое проявление должно служить нам постоянным поучением.

В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле. В противном случае дела опровергли бы слова Спасителя. Он бы не был среди своей церкви до скончания веков.

Христианство обладает двумя легко различимыми функциями. Во-первых, действием на индивидуальное, во-вторых, действием на общее сознание.

Чтобы понять семейное сходство в развитии этих народов, не надо даже изучать историю: читайте только Тасса^{11[16]} и вы увидите все народы распростертыми у подножия стен Иерусалима. Вспомните, что в течение пятнадцати веков у них был только один язык при обращении к Богу, только один нравственный авторитет, только одно убеждение; вспомните, что в течение пятнадцати веков в один и тот же год, в один и тот же день, в один и тот же час, в одних и тех же выражениях они возносили свой голос к Верховному Существо, прославляя его в величайшем из его благодеяний: дивное созвучие, в тысячу раз более величественное, чем все гармонии физического мира.

Но еще поразительнее действие христианства на общество в целом. Окиньте взглядом всю картину развития нового общества и вы увидите, что христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменял везде материальную потребность потребностью нравственной, возбуждая в области мысли великие прения, какие история не наблюдала ни в одной другой эпохе и ни в одном другом обществе, вызывая жестокую борьбу между убеждениями, так что жизнь народов превращалась в великую идею и во всеобъемлющее чувство; вы увидите, что в христианстве, и только в нем, разрешалось все: жизнь частная и жизнь общественная, семья и родина, наука и поэзия, разум и воображение, воспоминания и надежды, радости и горести.

ПИСЬМО ВТОРОЕ^{12[23]}

Разве здесь испытали, как прочное убеждение вследствие тех или других причин вторгается в душу вопреки привычному ходу вещей, через

^{11[16]} Речь идет о поэме Т.Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580; рус. пер. 1900).

^{12[23]} Второе письмо, не по гагаринскому, а по настоящему счету, тесно примыкает к первому, вступительному. То кончалось словами: «На этот раз вам не придется долго ждать: завтра снова берусь за перо». Это же начинается так: «Если я удачно передал намеренно свою мысль...».

некое внезапное озарение, через указание свыше^{13[27]}, овладевает душой, переворачивает все ваше существо и возносит вас выше вас самих и всего того, что вас окружает? Живое сознание вызывало ли здесь когда-либо сердечный отклик? Был ли здесь кто-нибудь привержен культу истины?^{14[28]}

Аристотель, признанный представитель всей той мудрости, какая только была в мире до пришествия Христа, утверждал, что люди рождаются – одни, чтобы быть свободными, другие – чтобы носить оковы^{15[31]}.

Одиночество таит свои опасности, в нем подчас нас ожидают странные искушения. Сосредоточенный в самом себе ум питается созданными им лживыми образами, и подобно св. Антонию^{16[34]} населяет свою пустыню призраками, порождениями собственного воображения, и они его затем и преследуют.

Словом, здесь царство опыта, и поскольку опыт может сообщить достоверность понятиям, которые он вводит в наш ум, постольку мир физический может быть нами познан. Вы хорошо знаете, что эта достоверность доходит до того, что мы можем предвидеть некоторые явления за много времени вперед и способны с невероятной силой воздействовать на неодушевленную материю.

Хвала земным мудрецам, но слава одному только Богу! Человек никогда не шествовал иначе, как при сиянии божественного света. Свет этот постоянно озарял дорогу человека, но он не замечал того источника, из которого исходил яркий луч, падающий на его путь. *Он просвещает*, говорит евангелист, *всякого человека, приходящего в мир; Он всегда был в мире, но мир его не познал*^{17[37]}.

Для христианина все движение человеческого духа не что иное, как отражение непрерывного действия Бога на мир. Изучение последствий этого движения дает ему в руки лишь новые доводы в подтверждение его верований.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Absorpta est mors ad victoriam
<Поглощена смерть победою>^{18[39]}

Монтень сказал: *L'obéir est le propre office d'une âme raisonnable, reconnaissant un céleste supérieur et bienfaiteur*^{19[40]}. Как вы знаете, он не

^{13[27]} Здесь кончается перевод текста, взятого из жихаревского собрания, и начинается текст части Письма, сохранившейся среди отобранных у Чаадаева бумаг.

^{14[28]} Этой последней фразы нет в переводе Д.И.Шаховского.

^{15[31]} Аристотель действительно высказывал в «Политике» приписываемые ему здесь мысли: «одни люди по природе свободны, другие – рабы» (*Аристотель*. Соч. М., 1984. Т. 4. С. 384).

^{16[34]} Антоний – один из основателей христианского монашества, живший в Египте с середины III до середины IV в. н.э. Легенды об искушении его в пустыне дали богатый материал множеству писателей и художников.

^{17[37]} Евангелие от Иоанна, 1, 9 – 10.

^{18[39]} «Поглощена смерть победою». Эпиграф к письму взят из I послания апостола Павла к коринфянам – глава 15, стих 54. Там слова эти в свою очередь заимствованы из книги пророка Исайи – глава 25, стих 8.

считается умом, склонным к вере; включим же на сей раз эту мысль скептика в наш текст: подчас хорошо завербовать себе союзников из вражьего стана; это соответственно ослабляет силы противной стороны.

Итак, все силы ума, все его сродства познания основываются лишь на его покорности. Чем более он себя подчиняет, тем он сильнее. И перед человеческим разумом стоит один только вопрос: знать, чему он должен подчиниться. Как только мы нарушим это верховное правило всякой деятельности, умственной и нравственной, так немедленно впадем в грех произвольного рассуждения или воли.

Что такое исчисление? Умственное действие, механическая работа ума, в которой рассуждающей воле нет места. Откуда эта чудодейственная мощь анализа в математике? Дело в том, что ум здесь действует в полном подчинении данному правилу. Отчего так много дает наблюдение в физике? Оттого, что оно преодолевает естественную склонность человеческого разума и дает ему направление, диаметрально противоположное обычному ходу мысли: оно ставит разум по отношению к природе в смиренное положение, ему присущее^{19]}.

Следовательно, настоящая основа нашей умственной мощи в сущности не что иное, как своего рода *логическое самоотречение*, однородное с самоотречением нравственным и вытекающее из того же закона.

. Конечно, есть и такие люди, которые как будто без всяких усилий сообразуются со всеми предписаниями нравственности; таковы некоторые выдающиеся личности, которыми мы восхищаемся в истории. Но в этих избранных душах чувство долга развилось не через мышление, а через те таинственные побуждения, которые управляют людьми помимо их сознания, в виде великих наставлений, которые мы, не ища их, находим в самой жизни и которые гораздо сильнее нашей личной мысли, являющейся частью мысли, общей всем людям: ум бывает поражен то примером, то счастливым стечением обстоятельств, подымающих нас выше самих себя, то благоприятным устройством всей жизни, заставляющими нас быть такими, какими мы без этого никогда бы не были; все это живые уроки веков, которыми причудливо наделяются по неведомому нам закону определенные личности; и если вульгарная психология не отдает себе отчета в этих таинственных пружинах духовного движения, то психология более углубленная, принимающая наследственность человеческой мысли за первое

---

^{19[40]} **«Повиновение есть истинный долг души разумной, признающей небесного владыку и победителя».** Цитата из 12 главы II книги «Опытов» Монтеня приводится у Чаадаева, как вообще принято во французской литературе, в правописании подлинника.

Книга Монтеня с этой цитатой сохранилась в библиотеке Чаадаева (*Каталог*. № 486). Приведенное место, как впрочем и многие другие, подчеркнуто в книге Чаадаевым.

Ф.А.Коган-Бернштейн перевела это место несколько иначе, чем Д.И.Шаховской: «повиновение есть главная обязанность разумной души, признающей верховного благодетеля» (*Мишель Монтень*. Опыты. М.; Л., 1960. Кн. 2. С. 185). – *Ред.*

начало духовной природы, находит в этом разрешение большей части своих вопросов^{20[43]}.

Один великий гений^{21[45]} когда-то сказал, что человек обладает воспоминанием о какой-то лучшей жизни: великая мысль, не напрасно брошенная на землю; но вот чего он не сказал, а что сказать следовало, – но здесь лежит предел, которого не мог переступить ни этот блестящий гений, ни какой-либо другой в ту пору развития человеческой мысли, – это то, что утраченное и столь прекрасное существование может быть нами вновь обретено, что это всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает.

В обычном ходе жизни, в повседневных заботах нашего ума, в привычной дремоте души нравственный закон проявляется гораздо менее явственно, чем закон физический. Правда, он над нами безраздельно господствует, определяет каждое наше действие, каждое движение нашего разума, но вместе с тем, сохраняя в нас посредством какого-то дивного сочетания, через непрерывно длящееся чудо^{22[47]},...

Но каким бы отсталым ни было разумное существо, как бы ни были ограничены его способности, оно всегда имеет некоторое понятие о начале, побуждающем его действовать. Чтобы размышлять, чтобы судить о вещах, необходимо иметь понятие о добре и зле^{23[48]}. Отнимите у человека это понятие, и он не будет ни размышлять, ни судить, он не будет существом разумным. Этого понятия Бог не мог лишить нас ни на мгновение; он нас и создал с ним. И эта-то несовершенная идея, непостижимым образом вложенная в нашу душу, составляет всю сущность разумного человека.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Воля есть не что иное, как род мышления. Представлять ли себе волю конечную или бесконечную, все равно приходится признать некую

---

^{20[43]} Эту мысль о преемственности сознаний, составляющих в совокупности одно мировое сознание, автор развил более подробно в *ФП V*.

^{21[45]} Конечно, здесь имеется в виду Платон. Та же мысль неоднократно встречается у Сенеки, сочинения которого Чаадаев усердно читал, как это видно на сохранившемся в его библиотеке экземпляре шеститомного издания сочинений этого писателя во французском переводе с многочисленными отметками и заметками рукой Чаадаева (*Каталог*. № 616).

Чрезвычайно существенны для Чаадаева последние слова этого абзаца о том, что обретение вновь утраченного нами «прекрасного существования... всецело зависит от нас и не требует ухода из мира, который нас окружает». Таким образом, достижение совершенных общества и людских отношений произойдет, согласно и другим высказываниям Чаадаева, в пределах земной жизни и не требует ухода в потусторонность через смерть. Это важно для понимания смысла эпиграфа к письму, какой ему придавал Чаадаев.

^{22[47]} Чаадаев признает, как это встречается и в других местах его сочинений, непреложность общего закона жизни, с одной стороны, свободы человека – с другой. Но он не указывает пути к согласованию этих начал и называет их сосуществование просто «длящимся чудом».

^{23[48]} Здесь как будто допускается существование врожденных идей в человеке, – мысль, которую Чаадаев отвергает в *ФП V*. Идеи эти, как видно из следующих за этой двух фраз, он считает внушенными богом.

причину, которая заставляет ее действовать:
 поэтому ее должно рассматривать
 не как начало свободное,
 а как начало обусловленное
 Спиноза De anima^{24[50]}

Действительные величины, т.е. абсолютные единицы, имеются лишь в нашем уме; во вселенной находятся лишь числовые видимости. Эти видимости, в форме которых материальность открывается нашим взорам, они-то и дают нам понятие о численности: вот основа математического восприятия. Итак, числовое выражение предметов не что иное, как мыслительный механизм, который мы создаем из данных природы. Сначала мы переводим эти данные в область абстракции, затем мы их воспринимаем как величины; и, наконец, поступаем с ними по своему усмотрению. Математическая достоверность, следовательно, имеет также свой предел; будем остерегаться упустить это из виду.

Если бы в математике заключалась совершенная достоверность, число было бы чем-то реальным. Так понимали его, например, пифагорейцы^{25[51]}, каббалисты^{26[52]} и им подобные, приписывавшие числам свойства разного рода и находившие в них начало и сущность всех вещей. Они были вполне

---

^{24[50]} Чрезвычайно знаменательно, что эпиграфом и письму Чаадаев выбрал категорическое выражение подзаконности всякого действия. Это определяет общую твердую установку Чаадаева, которую он, впрочем, не всегда выдерживает.

Что касается самого эпиграфа, то с ним сопряжено несколько недоразумений, которые, в конечном счете, все вполне благополучно разрешаются. Начать с того, что никакого сочинения Спинозы под заглавием «De anima» (О душе) не существует. Вторая часть «Этики», трактующая о душе, носит название «De Mente». В ней есть теорема 48-я, довольно близко соответствующая данному тексту, но на самом деле цитата взята из доказательства теоремы 32-й первой части «Этики» с купюрой, которую Чаадаев не обозначил. Н.А.Иванцов несколько иначе перевел с латинского оригинала это место в сочинении Спинозы: «Воля составляет только известный модус мышления... все равно, представляется ли воля конечной или бесконечной, всегда найдется причина, которая определила бы ее к существованию и действию, и потому (по определению 7) воля не может быть названа свободной причиной, но только необходимой или принужденной» (*Спиноза Б. Избр. произв.: В 2-х т. М., 1957. Т. I. С. 389*).

Другой недоуменный вопрос. Откуда Чаадаев мог почерпнуть свое знание текста Спинозы? Французы, нередко на него ссылавшиеся, опубликовали первый перевод «Этики» в 1843 г. Книга эта была и в библиотеке Чаадаева (*Каталог. № 625*), но по времени своего издания она не могла служить источником для цитаты. Знакомство с библиотекой вполне удовлетворительно разрешает это недоумение.

В библиотеке находятся еще два произведения Спинозы, оба на немецком языке (*Каталог. № 626 и 627*), составляющие два первые тома собрания его философских сочинений: в первом томе, изданном у Бекмана в Гере в 1787 г., есть трактат под заглавием: «Священное писание, еврейство, права высшей власти в духовных предметах и свобода мысли». Второй том, изданный у Беме в Лейпциге вторым изданием в 1796 г., содержит только две первые части (из пяти) трактата «Этика». Обе книги усердно читаны Чаадаевым, эпиграф из первой части «Этики» взят несомненно из этого экземпляра. Там данная теорема нарочито подчеркнута, соответствующая страница загнута пополам, как имел обыкновение это делать Чаадаев в исключительных случаях. Следовательно, он воспользовался переводом немецкого издания.

^{25[51]} Пифагорейцы – последователи древнегреческого философа Пифагора.

^{26[52]} Каббалисты – представители еврейской философской школы мистического характера.

последовательны, так как мыслили природу состоящей из числовых величин, и ни о чем другом не помышляли.

Бессознательно мы еще находимся под властью языческих представлений, почему и впадаем в такого рода заблуждения. Число не могло заключаться в божественной мысли; творения истекают из Бога, как воды потока, без меры и конца, но человеку необходима точка соприкосновения между его ограниченным разумом и бесконечным разумом Бога, разделенными беспредельностью, и вот почему он так любит замыкать божественное всемогущество в размеры собственной природы.

В сущности и философы поступают не лучше. «Они приписывают Богу, – сказал великий мыслитель, который в этом хорошо разбирался, – разум, подобный их собственному. Почему? Потому что они в своей природе не знают ничего лучше собственного разума. А между тем божественный разум есть причина всего, разум человека есть лишь следствие; что же может быть общего между тем и другим? Разве то же, – прибавляет он, – что между созвездием Пса, сияющим на небе, и тем псом, который бежит по улице, – одно только имя»^{ii[8]}.

А в чем состоит самый процесс наблюдения? Что делаем мы, когда наблюдаем движение светил на небесном своде или движение жизненных сил в организме: когда мы изучаем силы, движущие тела или сотрясающие молекулы, из коих тела состоят; когда занимаемся химией, астрономией, физикой, физиологией? Мы делаем вывод из того, что было относительно того, что будет; связываем факты, следующие в природе непосредственно друг за другом, и выводим из этого ближайшее заключение. Вот неизбежный путь опытного метода. Но, в порядке нравственном, известно ли вам что-нибудь, что бы совершилось в силу постоянного, неотвратимого закона, по которому вы могли бы делать заключение, как там, от одного факта к другому и предугадывать таким образом с уверенностью последующее на основании предшествующего? Ни в коем случае. Напротив, здесь совершается все лишь в силу свободных актов воли, не связанных между собою, не подчиненных другому закону, кроме своей прихоти; одним словом, все сводится здесь к действию хотения и свободы человека. К чему бы здесь был метод опытный? Ровно ни к чему.

Вот чему, в сфере тех познаний, где ему дана возможность достигнуть своей высшей достоверности, учит нас естественный *ход*^{27[55]} человеческого разума. Перейдем к поучению, которое вытекает из самого *содержания* этих познаний.

И вот почему, к тому не, человеческому разуму так трудно освободиться от старого заблуждения, будто все идеи возникают в нем через внешние чувства^{28[59]}. Все дело в том, что в мире нет ничего, в чем мы были

---

^{27[55]} Слова «ход» и «содержание» выделены здесь мною, чтобы обратить внимание на два раздела в рассуждении Чаадаева, который их устанавливает, но недостаточно явственно разграничивает.

^{28[59]} Вот именно то место, на которое Чаадаев ссылался в начале письма, обещая дать разъяснение поставленного там вопроса.

бы более склонны сомневаться, чем в присущей нам самостоятельной силе, и несостоятельность системы сенсуалистов именно в том, что система эта приписывает вещественному непосредственное воздействие на невещественное и таким образом заставляет тела сталкиваться с сознаниями, вместо того, чтобы приводить в соприкосновение предметы одной и той же природы, как в области физической, т.е. одни сознания с другими

Что нет ни малейшего затруднения принять собственные действия человека за причину *случайную* (*principe occasionnel*)^{29[60]}: за силу, которая действует лишь поскольку она соединяется с другой высшей силой, точно так, как притяжение действует лишь в совокупности с силой отталкивания. Вот то, к чему мы хотели придти.

Дело в том, что шотландская школа^{30[64]}, так долго царившая в философском мире, сместила все вопросы идеологии. Вы знаете, что она берется найти источник всякой человеческой мысли и все объяснить, обнаружив нить, связывающую настоящее представление с представлением предшествовавшим.

Но позвольте спросить, разве есть в мире что-либо более согласное с нашим ощущением, нежели происходящая постоянно такая смена идей и в нашем мозгу, в которой мы не принимаем никакого участия? Разве мы не твердо убеждены в такой непрерывной работе нашего ума, которая совершается помимо нашей воли? Задача, впрочем, не была бы несколько разрешена, если бы даже и удалось свести все наши идеи к некоторому ограниченному числу их и точно установить их источник.

Итак, эмпирическая теория в лучшем случае устанавливает некоторые явления нашей природы, но о всей совокупности явлений она не дает никакого понятия.

Да, я свободен, могу ли я в этом сомневаться? Пока я пишу эти строки, разве я не знаю, что я властен их не писать? Если провидение и определило мою судьбу бесповоротно, какое мне до этого дело, раз его власти я не ощущаю? Но с идеей о моей свободе связана другая ужасная идея, страшное, беспощадное следствие ее – злоупотребление моей свободой и *зло* как его последствие.

Мы только и делаем, что вовлекаемся в произвольные действия и всякий раз потрясаем все мироздание. И эти ужасные опустошения в недрах творения мы производим не только внешними действиями, но каждым душевным движением, каждой из сокровеннейших наших мыслей. Таково зрелище, которое мы представляем Всевышнему.

---

^{29[60]} «Principe occasionnel» – термин, употребляемый последователями Декарта, – окказионалистами Мальбраншем, Гейлинксом и др.

^{30[64]} Шотландская школа – учение, развившееся в английской философии в 60 – 80-х годах XVIII в., было в большом ходу во Франции в начале XIX в. Чаадаев к учению этой школы вернется дважды в *ФП V*. Основателем школы был Т.Рид (1710 – 1796), шеститомное собрание сочинений которого находилось в библиотеке Чаадаева (*Каталог*. № 571), как и два собрания сочинений (см. № 634 и 635) другого представителя этой школы – Д.Стюарта (1753 – 1828).

Но наш собственный разум не говорит ли нам то же самое? Если бы не поучал нас Бог, разве мог бы существовать хотя бы мгновение мир, мы сами и что бы то ни было? Разве все не превратилось бы вновь в хаос? Это несомненно так, и наш собственный разум, как скоро он выходит из ослепления обманчивой самонадеянности, из полного погружения в свою гордыню, говорит то же, что и вера, а именно, что Бог необходимо должен был поучать и вести человека с первого же дня его создания и что он никогда не переставал и не перестанет поучать и вести его до скончания века.

ПИСЬМО ПЯТОЕ^{31[67]}

«Much of the soul they talk, but all awry»
 <Они толкуют много о душе, но все превратно>
 МИЛЬТОН^{32[68]}

---

^{31[67]} В предыдущих письмах Чаадаев рассмотрел главную тему этого отдела его сочинения с религиозной, философской и научной точек зрения. В *ФП V* он вводит свою систему в порядок философских исканий века.

^{32[68]} Цитируется поэма Мильтона. Христос обращается к сатане, искушающему его и указывающему в поучение ему на рассуждающих об истине афинских мудрецов Сократа, Платона, стоиков и эпикурейцев:

Увы, чему способны научить
 Все мудрецы подобные, когда
 Они самих себя не постигают,
 Понятия о боге не имея,
 О таинствах великих мироздания,
 О горестном падении человека,
 И меж собой толкуя о душе,
 Они о ней превратно рассуждают

(Мильтон Д.

Потерянный и возвращенный рай.

СПб., 1899. С. 154).

В английском издании сочинений Мильтона, сохранившемся в библиотеке Чаадаева (*Каталог*. № 482) и, очевидно, купленном им в Лондоне в 1823 г., означенный стих отмечен, впрочем, подобно многим другим.

При чтении письма нельзя не вспомнить важного для понимания Чаадаева раннего сочинения Ламенне «Опыт о безразличии в делах религии» (*Essais sur l'indifférence en matière de religion*. Houndin, 1819 – 1820) и составляющую органическую часть его – книгу «В защиту опыта...» (*Defence en l'Essais sur l'indifférence en matière de religion*. Paris, Lyon, 1821). Две первые, самые важные, части (из четырех) первого сочинения, а также и второе, сохранились в библиотеке Чаадаева с многочисленными его пометками и несколькими записями, с отметками о чтении второго тома в ноябре 1829 г., т.е. именно в самый разгар работы над Письмами. Последняя отметка о чтении сделана 1 декабря 1820 г.; эта же дата стоит и под *ФП I*. Кроме того, в библиотеке, также с пометками Чаадаева, имелась и третья книга Ламенне (*Réflexion sur l'état de l'église en France...* P., 1819; *Каталог*. № 410 – 412). О записях Чаадаева на книгах Ламенне см.: Т. I. С. 585 – 587, 589, 593, 616 наст. издания. Не останавливаясь подробно на поучительных совпадениях и на различиях в мыслях Ламенне и Чаадаева, укажем только, что именно здесь живее всего можно наблюдать отношение Чаадаева к католической мысли. Чрезвычайно высокая оценка Чаадаевым Ламенне раннего периода хорошо известна из его прямых высказываний в *АС* и в письме № 95 А.И.Тургеневу от 1838 г. В *АС* Ламенне не назван, но конечно его имеет в виду Чаадаев в начале статьи: «Великий писатель нашего времени» (*АС*. С. 524). В тексте, бывшем в руках у Чернышевского, под этой строкой есть вставка: Ламенне.

Ум по природе своей стремится к единству, но к несчастью пока еще не поняли как следует, в чем заключается настоящее единство вещей. Чтобы в этом удостовериться достаточно взглянуть на то, как большинство мыслящих понимает бессмертие души^{33[70]}.

Пусть я проживу сто тысяч лет после того мгновения, которое я называю смертью и которое есть чисто физическое явление, с моим сознательным существом не имеющее ничего общего, отсюда еще далеко до бессмертия. Как все инстинктивные идеи человека, идея бессмертия души была сперва простой и разумной; но попав затем на слишком тучную почву Востока, она там разрослась сверх меры и вылилась, в конце концов, в нечестивый догмат, в котором творение смешивается с Творцом, так что черта, навеки их разделяющая, стирается, дух подавляется огромной тяжестью беспредельного будущего, все смешивается и запутывается. А затем – эта идея вторглась вместе со многими другими, унаследованными от язычников, в христианство, в этой новой силе она нашла себе надежную опору и смогла таким образом совершенно покорить себе сердце человека. Между тем, всякому известно, что христианская религия рассматривает вечную жизнь как награду за жизнь совершенно святую; итак, если вечную жизнь приходится еще заслужить, то заранее обладать ею, очевидно, нельзя; будучи воздаянием за совершенную жизнь, как может она быть исходом существования, протекшего в грехе? Удивительное дело: хотя дух человеческий осенен высочайшим из светочей, он все же не в силах овладеть полной истиной и постоянно мечется между истинным и ложным.

Закон тождества, будучи общим для природы и для разума, позволяет вам одинаково обращаться и с нею и с ним. На основании ряда тождественных явлений материального порядка вы выводите заключение об общем явлении; что же мешает вам из ряда одинаковых фактов заключать к всеобщему факту и в порядке умственном? Как вы в состоянии заранее предвидеть факт физический, с одинаковой уверенностью вы можете предвидеть и факт духовный; смело можно в психологии поступать так, как в физике. Такова эмпирическая философия. По счастью, философия эта стала в настоящее время уделом лишь нескольких ленивых умов, которые упорно топчутся на старых путях.

Идеализм, который уже потряс ветхое здание философских предрассудков в самой их основе. **Но он пребывает пока на таких эфирных высотах, на которых трудно дышать.**

Сколько великих и прекрасных мыслей, откуда-то явившихся, охватили бесчисленные массы и поколения! Сколько возвышенных истин живет и действует, властвуя или светясь среди нас, и никто не знает, ни откуда явились эти грозные силы или блестящие светочи, ни как они пронеслись через времена и пространства! Цицерон где-то сказал: «Природа так устроила человеческий облик, что он выявляет чувства, скрытые в сердце: что бы мы

---

^{33[70]} Здесь в ход изложения врывается маленький трактат о бессмертии – вопрос, к которому Чаадаев впоследствии неоднократно возвращался.

ни чувствовали, глаза наши всегда это отражают»^{34[78]}. **Это совершенно верно: в разумном существе все выдает его затаенную мысль; весь человек целиком сообщается ближнему, и так происходит зарождение сознаний.**

.А много есть и таких, которые никогда не оглашались перед народными собраниями, никогда не были воспеты рапсодами, никогда не были начертаны ни на колоннах, ни на пергаменте; самое время их возникновения никогда не было проверено исчислением и приурочено к течению светил небесных; критика никогда не взвешивала их на своих пристрастных весах; их влагает в глубину душ неведомая рука, их сообщают сердцу новорожденного первая улыбка матери, первая ласка отца.

Никто этого не знает; предания – вот и все; докопаться до их происхождения невозможно: дети восприняли их от отцов и матерей – вот и вся их родословная. А затем на эти первоначальные понятия нисходят века, на них скапливается опыт, на них создается наука, из этой невидимой основы вырастает человеческий дух.

Детеныш самого сильного животного неизбежно погибнет, оставленный самкой тотчас же после родов; а человек – слабейшее из животных, он требует материнского молока в течение шести или семи месяцев, даже череп его остается незакостеневшим несколько дней после рождения, – как бы он мог просуществовать первое время своей жизни, не попав в материнские руки? Значит, дети эти до разлуки с родителями восприняли зачатки умственности^{35[79]}. Я ручаюсь, что человек, очутившийся без родителей или иного человеческого существа, как только открылись на свет его глаза, если бы он ни разу не ощутил на себе взгляда одного из себе подобных, не услышал бы ни единого звука их голоса и в таком отчуждении вырос до сознательного возраста, ничем не отличался бы от других млекопитающих, которых натуралист причислит к тому же роду. Может ли быть что-либо бессмысленнее, чем предположение, будто каждая человеческая личность, как животное, является начинателем своей породы?

Истинную природу человека составляет то, что из всех существ он один способен просвещаться беспредельно: в этом и состоит его превосходство над всеми созданиями. Но для того, чтобы он мог возвыситься до свойств мыслящего существа, необходимо, чтобы чело его озарилось лучом высшего разума. В день создания человека Бог с ним беседовал и человек слушал и внимал ему: таково истинное происхождение человеческого разума; психология никогда не отыщет объяснения более глубокого.

Лишенные общения с другими сознаниями, мы щипали бы траву, а не размышляли бы о своей природе. Если не согласиться с тем, что мысль человека есть мысль рода человеческого, то нет возможности понять, что она

^{34[78]} Слова Цицерона взяты из его сочинения «О законах» (кн. I, № 26 и 27), впрочем, в значительно измененном виде (см. *Цицерон. Диалоги.* М., 1966. С. 97).

^{35[79]} Рассуждение о детях, находимых среди лесных зверей, по-видимому, заимствовано Чаадаевым у Ламенне («Опыт о безразличии», ч. II, гл. XVI).

такое. Подобно всей остальной части в созданной вселенной, ничто в мире сознаний не может быть постигнуто как совершенно обособленное, существующее само собой.

Правда, школьная мудрость^{36[80]} не считается со всем этим; для нее существует только один и единственный разум, для нее данный человек и есть тот, каким он вышел из рук Создателя; хотя и созданный свободным, он не употребил во зло своей свободы; при всем своем своеволии, он, подобно неодушевленным предметам, пребыл неизменным, повинуюсь непреклонной силе; бессчетные заблуждения, грубейшие предрассудки, им порожденные, преступления, которыми он запятнал себя, – ничто из всего этого не оставило следа в его душе. Вот он – тот самый, каким он был в тот день, когда божественное дыхание оживило его земное существо, он столь же чист, столь же непорочен, как тогда, когда еще ничто не осквернило его юной природы; для этой школьной мудрости человек постоянно один и тот же; всегда и всюду; мы именно таковы, какими должны были быть; и вот – это скопище мыслей, неполных, фантастических, несогласованных, которое мы именуем человеческим умом, по ее мнению оно именно и есть чистый разум, небесная эманация, истекшая из самого Бога; ничто его не изменило, ничто его не коснулось. Так рассуждает человеческая мудрость.

В итоге произведенного нами сейчас исследования получается следующее. Сколько ни есть на свете идей, все они последствия некоторого числа передаваемых традиционно понятий, которые так же мало составляют достояние отдельного разумного существа, как природные силы – принадлежность особи физической.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ^{37[85]}

Можете спросить, каким образом
среди множества потрясений, междуусобий,
заговоров, преступлений
и безумств находилось столько людей,
занимавшихся полезными
и изящными искусствами в Италии
и затем в других христианских государствах;
под владычеством турок

---

^{36[80]} Вероятно, здесь и далее речь идет о сенсуализме вообще, хотя излагается это учение весьма произвольно. Еще менее удачно сформулировал ниже Чаадаев основной принцип философии Декарта и рационализма XVII в. – *cogito ergo sum*, – который обычно переводится как «мыслю, следовательно существую». Чаадаев же замещает слово «мыслю» словом «ощущать», «чувствовать» (*sens*), чем вносит в рационализм сенсуалистическую струю (Ред.).

^{37[85]} Как указано во введении к примечаниям, в оригинале этого Письма, приготовленном для издания, имелся заголовок, соответствующий намерению автора издать это и следующее (седьмое) Письма в виде отдельной брошюры под названием: «Два письма об истории, адресованные даме». После эпиграфа сделана надпись: «Напечатано в Москве у А.Семена 1832» и подзаголовок «Письмо первое». Мы не воспроизводим, как это делает в своей публикации Р.Мак-Налли, этих надписей, поскольку печатаем все восемь *ФП* в качестве единого сочинения.

мы этого не наблюдаем.
Вольтер. Опыт о нравах^{38[86]}

Но когда наступил момент великой катастрофы духовного мира, все созданные человеком призрачные силы тотчас исчезли и среди общего пожара осталось несокрушенным одно только вместилище вечной истины. Вот как понимается религиозное единство истории и как эта концепция возвышается до настоящей философии времен, которая показывает нам, что разумное существо точно так же подчинено общему закону, как и остальные создания.

Пора признать, что та сила, которую человеческий разум находит в узких пределах настоящего, не составляет всего его содержания, что в нем имеется еще другая сила, которая, объединяя в одной мысли и времена протекшие, и времена обетованные, выражает подлинное существо разума и ставит его в действительно принадлежащую ему сферу деятельности.

Надо только осознать, что никогда не будет достаточно фактов для того, чтобы все доказать, а для того, чтобы многое предчувствовать, их было достаточно со времен Моисея и Геродота. Самые факты, сколько бы их ни собирать, еще никогда не создадут достоверности, которую нам может дать лишь способ их понимания. Точно так же, как, например, опыт веков, раскрывший Кеплеру законы движения планет, был недостаточен для того, чтобы обнаружить для него общий закон природы; это открытие выпало на долю необычайного озарения особого рода, на долю благочестивого размышления. Именно так нам, сударыня, и следует пытаться понять историю.

Поэтому ни к чему не ведут ни попытки связать между собой времена, ни непрерывная работа над фактическим материалом; надо стараться дать глубокие характеристики великих исторических эпох и определить совершенно беспристрастно черты каждого века на основании законов практического разума.

Итак, истории теперь осталось только одно, – осмысливать.

Настанет день, когда историческое мышление не сможет оторваться от величественного зрелища того, как все первоначальные людские величия обратились в прах и внезапно обнаружили все их будущие величия.

Например, Моисей и Сократ. Раз и навсегда узнают, что первый открыл людям истинного Бога, а последний завещал им малодушное и беспокойное сомнение. На примере Давида и Марка Аврелия станет очевидным то, что первый был совершенным образцом самого святого героизма, в то время как другой – только любопытным примером искусственного величия, пышной и хвастливой добродетели.

Переоценке подвергнутся и другие знаменитости. Имя Стагирита^{39[89]}, например, станут произносить с некоторым отвращением, имя Магомета – с глубоким уважением; на первого будут смотреть как на ангела тьмы,

^{38[86]} *Voltaire, F. M. A. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations. Chapitre CXCVII.*

^{39[89]} Стагирит – Аристотель, родившийся в городе Стагира.

который сковывал на протяжении нескольких веков все силы добра среди людей; на второго – как на благодетельное существо, кто всего более способствовал осуществлению плана божественной мудрости для спасения рода человеческого. И, наконец, – сказать ли это? **Своего рода бесчестие будет связано с великим именем Гомера.**

Всякий народ, ясно воспринимая различные эпохи прошедшей жизни, видел бы в истинном свете и настоящее свое положение и умел бы предвидеть тот путь, который ему надлежит пройти в будущем. У всех народов образовалось бы истинное национальное сознание, состоящее из некоторого числа положительных идей, очевидных истин, выведенных на основе их воспоминаний, из твердых убеждений, которые господствовали бы в большей или меньшей мере над всеми умами и направляли бы их к одной и той же цели. И тогда национальности, которые до сих пор лишь разделяли людей, избавившись от ослепления и от страстного преследования своих интересов, объединились бы для достижения согласованного и всеобщего результата; тогда все народы протянули бы, может быть, друг другу руки и вместе пошли бы к одной цели.

Сначала надо заняться выработкой домашней нравственности народов, отличной от их политической морали; им надо сначала научиться знать и оценивать самих себя, как и отдельным личностям; они должны знать свои пороки и свои добродетели; они должны научиться раскаиваться в ошибках и преступлениях, ими совершенных, исправлять совершенное ими зло, упорствовать в добре, по пути которого они идут.

Я думаю, что одна величайшая слава, слава Греции, при этом исчезла бы почти целиком; я думаю, придет день, когда нравственная мысль будет останавливаться лишь проникнувшись священной грустью в этой стране обманчивых надежд и иллюзий, из которых гений обмана так долго изливал на остальную часть земного шара соблазн и ложь.

Мы, бесспорно, восприняли то, что изобрел или открыл разум древних раньше нас; мы этим и воспользовались и закрепили разбитое звено великой цепи времен, порванное варварством; но из этого никак не следует, что народы могли бы дойти до современного своего состояния без исторического события, совершенно самостоятельного, совершенно оторванного от всего предшествующего, стоящего совсем вне обычного зарождения человеческих идей и всякого естественного сцепления явлений, события, которое отделяет древний мир от нового.

Но не ошибитесь, сударыня. Вовсе не варвары разрушили старый мир; он уже был истлевшим трупом; они лишь развеяли прах его по ветру. Эти же самые варвары нападали ранее на древние общества и не могли их даже поколебать; история едва помнит их давние нашествия.

Не обращали внимания на то, что в продолжение ряда веков Европа составляла настоящую федеральную систему или скорее как бы один народ,

и что эта система была разорвана лишь реформацией^{40[90]}. Но когда реформация произошла, общество уже было воздвигнуто навеки. До этого рокового события народы Европы смотрели на себя как на одно социальное тело, хотя и разделенное территориально на различные государства, но в нравственном отношении принадлежащее к одному целому.

. И я спрашиваю вас, могло ли установиться в мире царство мысли иначе, как предоставлением принципу мысли всей его действительности, всей его напряженности? Видимость вещей, если вам так угодно, изменилась, и это последствие раскола; раздробив единство идеи, он раздробил также и единство общества. Но основа вещей осталась, конечно, прежней: Европа и сейчас еще является христианским миром, что бы она ни делала. **Без сомнения, она не вернется более к тому состоянию, в каком она была в пору своей юности и роста; но нельзя сомневаться и в том, что некогда черты, разделяющие христианские народы, снова сотрутся, и первоначальный принцип нового общества, хотя и в новой форме, обнаружится с большей силой, нежели когда-либо прежде.**

Сударыня, отличительные черты нового общества следует искать в большой семье христианских народов; именно здесь находится элемент устойчивости и истинного прогресса, отличающий его от всякой другой социальной системы мира; в этом сокрыты все великие поучения истории. Итак, мы видим, что при всех переворотах, испытанных новым обществом, оно не только не утратило ничего в своей жизненности, но с каждым днем еще растет в силе, и с каждым днем в нем обнаруживаются новые возможности в дополнение к развившимся ранее. И ни арабы, ни татары, – ни турки не только не могли это общество уничтожить, но даже, наоборот, только способствовали его утверждению.

И заметьте, что Китай, по-видимому, с незапамятных времен обладал тремя великими орудиями, которые, как говорят, наиболее ускорили среди нас движение вперед человеческого ума: компасом, печатным станком и порохом. И что же? На что они ему послужили? Объехали ли китайцы кругом земного шара? Открыли ли они новое полушарие? Есть ли у них литература, более обширная, чем та, которой мы обладали ранее изобретения книгопечатания? В злосчастном искусстве войны были ли у них Фридрихи и Бонапарты, как у нас? Относительно Индостана – есть ли на свете что-либо более убедительное, свидетельствующее о бессилии и печальном состоянии всякого общества, не опирающегося на истину, исшедшую непосредственно от высшего разума, чем то уничительное состояние, в которое его привело завоевание татар и англичан? Я не могу сомневаться в том, что эта тупая неподвижность Китая и необычайное принижение индусского народа, хранителя древнейших природных достижений и зародышей всех человеческих познаний, заключают в себе важнейший урок и что именно поэтому Бог сохранил их на земле^{iii[15]}.

---

^{40[90]} Реформация – широкое антифеодалное движение, возникшее в XVI в. в Западной и Центральной Европе и принявшее религиозную форму антикатолического протестантизма.

Значит, не империя погибла, погибло и вновь восстало человеческое общество. С тех пор, как земной шар был как бы охвачен Европой и новый мир, всплывший из океана, был ею заново пересоздан, а остальные человеческие племена настолько ей подчинились, что можно считать их как бы существующими только в меру их произволения, легко себе представить происходившее на земле тогда, когда сокрушалось старое здание, а новое чудесным образом возникало взамен его: нравственное начало вселенной получало новый закон, новое устройство.

Одно уж величие этого события, его внутренняя, его необходимая, его насквозь проникнутая провидением связь с предшествующим и последующим достаточны, по моему мнению, чтобы поставить его вне обычного течения человеческих действий; но его определяющее влияние на разум, совсем новые силы, которыми оно его обогатило, впервые порожденные в нем потребности, а главное, произведенное этим событием уравнение умов сделало человека ищущим истину и способным познать ее во всяком положении, в любых условиях – вот что налагает на эту эпоху от начала до конца поразительную печать провидения и высшего разума.

Мировой разум не есть ли теперь разум христианский? Не знаю, может быть черта, отделяющая нас от древнего мира, заметна не для всякого глаза, но для меня к этому сводится вся моя философия, вся моя мораль, вся моя религия.

Но подчиненное историческое время еще короче. И в течение этого времени столько обществ погибло в древнем мире. Между тем в истории современных народов мы наблюдаем лишь перемещение географических границ государств, общества и народы остаются неприкосновенными. Нет надобности говорить, что такие факты, как изгнание мавров из Испании, истребление американских племен, свержение татарского владычества в России лишь подтверждают общее правило.

Вот круг всемогущего действия священной истины порою откидывая народы, порою вбирая их в свой состав, он расширяется без перерыва и приближает нас к возвешенным временам, Так совершаются судьбы рода человеческого.

Вам говорят, что народы Азии остановились в своем развитии. Но почему же они остановились?

¹? Ответ прост: причина в том, что прогресс человеческой природы отнюдь не безграничен, как это воображают: есть предел, которого ему не удастся переступить, Поэтому-то общества древнего мира не всегда подвигались вперед; поэтому-то Египет не сошел с места со времени посещения его Геродотом вплоть до установления владычества греков: поэтому-то и римский мир, столь прекрасный, столь яркий, воспринявший в себя все просвещение стран от столбов Геркулеса^{41[94]} до Ганга, был вынужден постепенно уменьшаться и дошел к моменту озарения

---

^{41[94]} Столбы (столпы) Геркулеса (Геракла) – две скалы на противоположных сторонах Гибралтарского пролива, поставленные, по преданию, Гераклом во время его путешествия.

человеческого разума новым светом до того состояния неподвижности, которым по необходимости заканчивается всякий человеческий прогресс.

Как только удовлетворен интерес материальный, человек не идет вперед, хорошо еще, если он не отступает. Таков факт. Не надо заблуждаться: в Греции как и в Индостане, в Риме, как и в Японии, в Мексике, как и в Китае, вся умственная работа, как бы она ни была замечательна – в прошлом и настоящем, всегда вела и всегда будет вести к одному и тому же: поэзия, философия, искусство, все это служило и служит одной лишь телесной природе человека.

Одно только христианское общество действительно руководимо интересами мысли и души. В этом и состоит способность к усовершенствованию новых народов, в этом и заключается тайна их цивилизации.

И хотя та же цель, к которой они стремятся, не имеет ничего общего с другим благополучием единственным, какое могут ставить перед собой народы нехристианские, оно находится на пути христианских народов, которые употребляют его к своей выгоде; и жизненные блага, которых одних добиваются прочие народы, получают и христианами, но другим путем, по слову Спасителя: *ищите же [прежде всего] царства небесного [и правды его] и все [остальное] приложится вам*^{42[95]}. Так, огромное развитие всех духовных сил, возбужденных господствующим у них духом, доставляет им все блага. Но у нас, наверное, никогда не будет ни китайской неподвижности, ни греческой упадочности, а тем менее – полного крушения нашей цивилизации.

Первоначальная чистота христианства, разумеется, не могла всегда сохраняться; христианству пришлось пройти через всевозможные виды испорченности и понести на себе неизбежные отпечатки свободы человеческого разума. Притом же совершенство апостольской Церкви осуществлялось в немногочисленной общине, затерянной в огромной языческой среде; оно не могло быть таким же, как во всемирном обществе человеческого рода. Золотой век Церкви, как известно, совпал со временем ее величайших страданий, когда еще совершался подвиг мученичества, на котором строился новый порядок, когда струилась еще кровь Спасителя; нелепо мечтать о возврате такого порядка вещей, который вытекал только из великих бедствий, поражавших первых христиан.

А папство, – пусть оно и будет, как говорят, человеческим учреждением – как будто предметы такого порядка совершаются руками людей, – но разве в этом дело? Во всяком случае достоверно, что в свое

---

^{42[95]} Евангелие от Матфея, 6, 33. В оригинале текста, переведенного Шаховским нет слов, заключенных в скобки. Полный текст содержится в варианте этого Письма, напечатанного Гагариным и напечатанного Гершензоном (СП I. С. 133; пер. СП II. С. 146) и Тарасовым (Тарасов. С. 106). В этом месте вообще имеются разночтения оригиналов, с которыми работали Шаховской и Гагарин. В современном русском издании Нового Завета этот текст напечатан так: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». Как видим, ни в тексте Чаадаева, ни в современном тексте нет слова «остальное».

время оно возникло по существу из истинного духа христианства, и сегодня оно, оставаясь постоянно видимым знаком единства, является еще и знаком воссоединения.

Лишившись своего человеческого блеска, оно от этого только усилилось; и безразличие, с которым к нему относятся, делает его положение еще более прочным и вернее обеспечивает его длительное существование.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ^{43[103]}

Сударыня.

Поэтому, если в истории сокрыто великое поучение, то обязательно дойдут когда-нибудь до чего-то определенного, что раз навсегда завершит опыт, т.е. к чему-то вполне рациональному. Я, кажется, приводил вам уже эту удивительную мысль Паскаля, что *вся последовательная смена людей не что иное, как один и тот же постоянно сущий человек. Она когда-нибудь должна стать не образным выражением отвлеченного положения, а реальным фактом человеческого разума, и последний затем вынужден будет при всяком своем действии как бы потрясать всю бесконечную цепь человеческих мыслей на протяжении всех веков.*

Ум страстно накинулся на предметы, менее всего достойные его внимания; неслыханную привлекательность приобрело самое порочное в природе человека; на место первоначальной поэзии правды в воображение вторглась поэзия лжи; данная нам могущественная способность представлять себе то, что лишено образа, проникать взором в невидимое стала с тех пор применяться лишь для того, чтобы сделать осязаемое еще более осязаемым, земное – еще более земным; в итоге наше физическое существо настолько же выросло, насколько умалилось духовное

Правда, в глубине этого восхищения всегда таилось что-то горькое, подобное угрызению совести; и потому, когда явилось понимание истины, я, не отбрасывая ни одного из ее последствий, немедленно и без уверток все их принял.

В личности Моисея удивительным образом сочетаются черты величия и простоты, силы и добродушия, твердости и мягкости, над этим можно размышлять без конца. Пожалуй, нет в истории ни одного характера, который соединил в себе столь разнородные черты и силы. Раздумывая об этом необыкновенном существе и о произведенном им на людей действии, я не знаю, чему тут более удивляться – тому ли историческому явлению, которое он вызвал, или тому нравственному явлению, которое я наблюдаю в нем!

С другой стороны, простой до слабости человек, человек, не умеющий проявить свой гнев иначе, как истощаясь в убеждениях, поддающийся указаниям первого встречного. Станный гений! Одновременно и самый сильный и самый послушный из людей! Он создает будущее и смиренно

---

^{43[103]} В оригинале к этому Письму имеется подзаголовок: «Письмо второе» (см. примеч. 1 к ФП VI).

подчиняется всему, что предстает перед ним под покровом природы; он говорит с людьми среди грозных явлений природы, голос его раздастся на протяжении веков, он поражает народы как рок – и подчиняется первому движению чувствительного сердца, первому справедливому доводу, который ему приведен. Неужели это не удивительное величие, не единственный урок?

Читайте Второзаконие^{44[107]} с этой мыслью в уме, и вы будете поражены светом, который при этом прольется не только на моисееву систему, но и на всю философию откровения.

Если ничтожное количество установившихся у нас умственных навыков, традиций, воспоминаний, если ничто вообще из нашего прошлого не объединяет нас ни с одним народом на земле, если мы на самом деле не принадлежим ни к какой нравственной системе вселенной, своими социальными мерками мы все же связаны с западным миром. Эта связь, надо признаться, очень слабая, не соединяющая нас с Европой так крепко, как это воображают, и не заставляющая нас ощущать всей своей сущностью великое движение, которое там совершается, все же ставит нашу будущую судьбу в зависимость от судьбы европейского общества. Поэтому, чем более мы будем стараться с нею отождествиться, тем лучше нам будет.

Сделаем же, что в наших силах, для расчистки путей нашим внукам. Не в нашей власти оставить им то, чего у нас не было: верований, разума, созданного временем, определенно обрисованной личности, убеждений, развитых ходом продолжительной духовной жизни, оживленной, деятельной, богатой результатами; оставим им, по крайней мере, несколько идей, которые, хотя бы мы и не сами их нашли, переходя из одного поколения в другое, – тем не менее, они получают нечто, свойственное традиции, и тем самым приобретут некоторую силу, несколько большую способность приносить плод, чем это дано нашим собственным мыслям. Этим мы оказали бы услугу потомству и не прошли бы без всякой пользы свой земной путь.

Москва, 1829, 16 февраля.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Трудно этому поверить, а между тем то, что я скажу, совсем еще новая мысль: нравственное значение христианства достаточно оценено, но о чисто умственном его действии, о могучей силе его логики почти еще не думают. Ничего еще не было сказано о том значении, которое имело христианство в развитии и в образовании современной мысли. Пока еще не осознано, что вся наша аргументация – христианская; мы все еще мыслим себя в царстве категорий и силлогизмов Аристотеля. Дело в том, что нескончаемые сетования философов и диссидентов на те века, когда всеильны были якобы одни только предрассудки, невежество и фанатизм, заставили нас совершенно упустить из виду, как благодетельно было действие веры.

---

^{44[107]} Второзаконие – название пятой книги Моисеевой в Ветхом Завете.

По привычке созерцать действия сверхчеловеческие, они не замечают действующих в мире природных сил и почти совсем упускают из виду вещественные условия умственной деятельности. Как бы то ни было, пора современному разуму признать, что всей своей силой он обязан христианству. Пора уразуметь, что лишь при содействии необычайных средств, дарованных откровением, и благодаря той живой ясности, которую оно сумело внести во все предметы человеческого мышления, воздвигнуто величавое здание современной науки.

По счастью, мы живем уже не в те времена, когда упорство сторон принималось за убеждение, а выпады сект – за благочестивое рвение.

Слово, – обращенный ко всем векам глагол, – это не одна только речь Спасителя, это весь его небесный образ, увенчанный его сиянием, покрытый его кровью, с распятием на кресте. Словом, тот самый, каким Бог раз навсегда запечатлел его в людской памяти. Когда сын Божий говорил, что он пошлет людям дух и что он сам пребудет среди них вечно, неужели он помышлял об этой книге, составленной после его смерти, где худо ли, хорошо ли, рассказано о его жизни и его речениях и собраны некоторые записи его учеников?

Воображают, что стоит только распространить эту книгу по всей земле, и земля обратится к истине: жалкая мечта, которой так страстно предаются отколовшиеся. Его божественный разум живет в людях, таких, каковы мы и каков он сам, а вовсе не в составленной церковью книге. И вот почему упорная привязанность со стороны верных преданию к поразительному догмату о действительном присутствии тела в евхаристии^{45[125]} и их не знающее пределов поклонение телу Спасителя столь достойны уважения.

Надо уметь ценить этот христианский разум, столь уверенный в себе, столь точный, столь определенный в этих людях: это инстинкт правды, это последствие нравственного начала, перенесенного из области поступков в область сознания; это бессознательная логика мышления, вполне подчинившегося дисциплине.

Удивительное понимание жизни, принесенное на землю создателем христианства; дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное влечение к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах.

Истина едина: царство Божье, небо на земле, все евангельские обетования – все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого Бога, иначе говоря, – **осуществленный нравственный закон**. Вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалипсический синтез.

---

^{45[125]} Евхаристия – в христианской религии таинство причащения, т.е. приобщение (посредством хлеба и вина) к Христу, освобождающее от грехов (ср. сноску 100). В этой фразе в первой публикации *ФП VIII* (см. *ЛН*. С. 60) допущена ошибка: вместо «дух» (в оригинале – l'esprit) напечатано «род». В издании Б.Н.Тарасова (С. 131) ошибка повторена.

СНОСКИ ПО ВСЕМУ ОРИГИНАЛЬНОМУ ТЕКСТУ

* Печатается по: П.Я.ЧААДАЕВ.ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА (Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 1) Москва, изд-во «Наука»,1991

^{i[3]} **Почему древние не умели наблюдать? Потому что они не были христианами.**

^{ii[8]} Спиноза.

^{iii[15]} Может быть, здесь применяется к коллективному разуму народов тот закон, действие которого мы ежедневно наблюдаем на отдельной личности, а именно, что разум, который по какой бы то ни было причине ничего не почерпнул из массы распространенных во всем человеческом роде идей и таким образом не подчинил себя действию общего закона, а оказался обособленным от человеческой семьи и совершенно замкнулся в себе самом, неизбежно приходит в тем больший упадок, чем менее подчиненной была его собственная деятельность. В самом деле, был ли когда-либо народ доведен до такого состояния унижения, чтобы стать добычей не другого народа, но нескольких торговцев, в свою очередь подданных в собственной стране, а между тем неограниченных владык среди подчиненной нации? Сверх того, помимо неслыханного падения индусов, последовавшего за их завоеванием, умирание индусского общества относится к более раннему времени. Их литература и философия и даже самый язык, на котором все это изложено, принадлежит к порядку вещей, уже давно исчезнувшему.

^{iii[1]} Фотий. В интерпретации Чаадаева инициатива разрыва Восточной церкви с Западной принадлежит Фотию, что не совсем верно. Эта инициатива исходила от Рима, Фотий же стремился к установлению равного положения обеих церквей. Окончательный разрыв произошел при патриархе Михаиле Кируларии на Соборе 1054 г.

В данном случае Чаадаев следовал традиционной католической версии о деятельности Фотия как первопричины «схизмы» (разделения).

^{iii[2]} 1829.

^{iii[4]} *Novum Organum* (ch. 68). «Новый Органон» – сочинение Ф.Бэкона. Цитата из Нового Органона в современном переводе звучит так: «пусть вход в царство человека, основанное на науках, будет почти таким же, как вход в царство небесное... куда никому не дано войти, не уподобившись детям» (Бэкон Ф. Соч. М., 1972. Т. 2. С. 34). – *Ред.*

^{iii[5]} Здесь надлежит заметить две вещи: во-первых, что мы не имели в виду утверждать, будто в этой жизни содержится все Небо целиком: оно в этой жизни лишь начинается, ибо смерть более не существует с того дня, как она была побеждена спасителем; и, во-вторых, что здесь, конечно, говорится не о слиянии вещественном во времени и в пространстве, а лишь о слиянии в идее и в принципе.

^{iii[6]} См. древних.

^{iii[7]} В таком случае уже не вера двигала бы горы, а Алгебра.

^{iii[9]} Без сомнения, применения открытого Ньютоном закона в области предметов осязаемых чрезвычайны, и число их будет с каждым днем еще возрастать. Но не следует забывать, что закон падения тяжестей установлен Галилеем, закон движения планет – Кеплером. Ньютону принадлежит только счастливое вдохновение – связать воедино оба эти закона. Впрочем, все относящееся к этому славному открытию чрезвычайно важно. Не мудрено, что один выдающийся геометр сожалел, что нам неизвестны некоторые из формул, которыми Ньютон пользовался при своей работе; наука, конечно, много бы выиграла от находки этих талисманов гения. Но можно ли серьезно думать, что вся сверхъестественность гениальности Ньютона, вся его мощь, заключается в одних его математических приемах? Разве мы не знаем, что в этом возвышенном уме было еще что-то кроме способности к вычислениям? Я Вас спрашиваю, рождалась ли когда-либо мысль подобного масштаба в разуме безбожном? (Довольно странная попытка связать великое открытие Ньютоном законов движения с каким-то внутренним озарением, навеянным изучением Апокалипсиса, имеет весьма слабое обоснование в том, что он действительно им интересовался.). Истина столь величественная дана ли была когда-либо миру разумом неверующим? И можно ли представить себе, будто в то время, когда Ньютон бежал от опустошавшей Лондон эпидемии в Кембридж (Бегство Ньютона от чумы – исторический факт, но бежал он вовсе не из Лондона и вовсе не в Кембридж, а именно из Кембриджа, где был преподавателем, к себе на родину, в Вулсторп) и закон вещественности блеснул его духу и разодралась завеса, скрывавшая природу, в

благочестивой душе его были одни только цифры? Странное дело, есть еще люди, которые не могут подавить в себе улыбки жалости при мысли о Ньюtone, комментирующем Апокалипсис. (Апокалипсис (от *греч.* ἀποκαλύπτεις – откровение) – книга Нового Завета, Откровение апостола Иоанна Богослова.). Не понимают, что великие открытия, составляющие гордость всего человеческого рода, могли быть сделаны только тем самым Ньютоном, каким он был, гением столь же покорным, сколь и всемогущим, а отнюдь не тем высокомерным человеком, каким его хотят представить. Повторю еще раз: видано ли, чтобы человек, не говоря уж атеист, но хотя бы только равнодушный к религии, раздвинул, как он, границы науки за пределы, ей, казалось, предназначенные. (Откуда почерпнул Чаадаев свои сведения о Ньюtone и свои понятия о теории движения и законе тяготения, выяснить не удалось. Как известно, о Ньюtone писал Вольтер, конечно, хорошо знакомый Чаадаеву. Вольтер и сообщил предание о падении яблока, будто бы вызвавшем у Ньютона ряд представлений, завершившихся затем его знаменитой теорией. Но и факты и соображения, приведенные у Чаадаева, не основаны на высказываниях Вольтера.).

^{iii[10]} Известно, что знаменитое доказательство бытия Божьего, приписываемое Декарту, принадлежит Ансельму, носившему в XI в. Доказательство оставалось погребенным в каком-то уголке человеческого разума в течение почти 500 лет, пока не явился Декарт и не вручил его философии.

^{iii[11]} Нет надобности пытаться определить географически то место земли, где этот светоч находился; достоверно одно: традиции всех народов мира совпадают в указании одной и той же местности земного шара, из которой пришли к нам первые познания людей.

^{iii[12]} Шлейермахер, Шеллинг, Кузен и т.д. и т.д.

^{iii[13]} Так, между прочим, люди перестанут искать, как это делали прежде, великий Вавилон (Вавилон – древний город на берегу реки Евфрат, близ современного г. Хилла в Ираке. Основанный и 3-м тыс. до н.э., неоднократно подвергался разрушению и сейчас существует в виде развалин. О Вавилоне рассказывает Библия (Бытие, 11).) в том или другом земном государстве, а ощутят себя живущими среди треска его крушений; таким образом, поймут, что возвышенный историк грядущих веков, рассказавший нам его ужасное падение, думал не о крушении одного определенного царства, а материального сообщества вообще, такого общества, какое мы видим.

^{iii[14]} Александр, Селевкиды (Селевкиды – династия, основанная Селевком I Никатором в 312 г. до н.э., в западной Азии (в нее входили Сирия, Месопотамия, часть Ирана и Ср. Азии)) Марк Аврелий, Юлиан, Лагиды и (Лагиды – династия, правившая в Египте в 305 – 330 гг. до н.э.) т.д.

^{iii[16]} Когда говорят о цивилизованной нации, что она пребывает в неподвижности, необходимо прибавить, с какого именно времени; иначе из этого факта ничего нельзя вывести.

^{iii[17]} С тех пор, как написано это письмо, г-н Гизо в значительной мере оправдал нашу надежду. (По мнению Б.Н.Тарасова (*Тарасов*. С. 333, примеч. 21), имеется в виду книга Гизо (*Guisot F. Cours d'histoire moderne: Histoire générale de la civilisation en Europe*. P., 1828; у Тарасова ошибочно – 1928). Но вряд ли это так, ибо у Чаадаева речь идет о книге, появившейся после написания *ФП VI*, а оно не могло быть написано ранее конца 1828 – начала 1829 г. (*ФП I* датировано даже декабром 1829, что, впрочем, не является датой написания первого варианта – см. примеч. 23 к *ФП I*). Скорее, примечание Чаадаева относится к следующей книге Гизо (*Cours d'histoire moderne: Histoire de la civilisation en France*), вышедшей годом позже (1829) предыдущей. Обе книги имелись в библиотеке Чаадаева (ср. примеч. 24 и 34 к ОРМ). Г.В.Макаровская в статье: «Философические письма» Чаадаева в оценке Пушкина // *Освободительное движение в России*. Саратов, 1986. Вып. II.)

^{iii[18]} Смотрите второе письмо.

^{iii[19]} Нельзя упрекнуть ни Геродота, ни Тита Ливия, ни Григория Турского в том, что они не заставили вмешиваться провидение в ход человеческих дел, но едва ли стоит говорить, что не к восстановлению суеверной идеи повседневного вмешательства Бога мы призываем человеческий ум. (Это (и следующее) примечание зачеркнуто в оригинале, но воспроизведено во всех изданиях: *Гагарина – Гершензона – McNally – Rouleau – Тарасова*.)

С переводом этого примечания связано одно недоразумение, имеющее, впрочем, существенное значение для понимания мысли Чаадаева. Перевод Д.И.Шаховского точно соответствует французскому тексту Чаадаева, в то время как перевод М.Гершензона ему не соответствует. Но приходится признать, что перевод Гершензона точнее выражает смысл отрывка,

так что можно предположить, что Чаадаев допустил здесь опisku. У Чаадаева сказано и Д.И.Шаховской так это и перевел: «идеи суеверного повседневногo вмешательства Бога». Но выражение «суеверное вмешательство» в данном случае не имеет смысла, и Гершензон, совершенно резонно исправляя Чаадаева, переводит: «суеверная идея повседневногo вмешательства Бога» (*СП II*. С. 155, примеч. X). Мы принимаем поправку Гершензона).

^{iii[20]} В этом самом Риме, о котором столько толкуют, осматривать который все ездят и который так мало понимают, имеется удивительный памятник, о котором можно сказать, что это древнее произведение, продолжающее жить и поныне, деяние другого века, остановившееся среди течения времени: это Колизей. На мой взгляд, нет исторического явления, которое пробуждало бы столько глубоких мыслей, как вид этой развалины, которое бы лучше выявляло характерные черты двух эпох человечества и которое бы убедительнее свидетельствовало о великой аксиоме истории; что никогда не было бы ни настоящего прогресса, ни настоящей устойчивости в обществе до эпохи христианства. Эта арена, куда римский народ толпами приходил упиваться кровью, где весь мир язычества так верно отражался в ужасающей игре, где вся жизнь того времени развевывалась в своих живейших наслаждениях, в своих самых блестящих торжествах, – разве она действительно не возвышается здесь перед нами, чтобы показать, к чему пришел мир в такое время, когда все имеющиеся в человеческой природе силы были пущены в дело сооружения социального здания, а между тем крушение его возвещалось со всех сторон и должна была наступить новая полоса варварства? И таи же впервые пролилась кровь, оросившая основание нового здания. Не стоит ли этот памятник целой книги? И удивительно, что он никогда не возбуждал исторической мысли, заключающей в себе эти великие истины! Между толп путешественников, стекающих в Рим, нашелся, впрочем, один, который при взгляде на памятник с соседней и также знаменитой высоты, с которой он мог наблюдать памятник в его поразительном обрамлении, по его же словам вообразил себе, что он воочию видит как развевываются перед его глазами века, объясняющие ему загадку своего движения. И что же? Этот человек заметил там только шествия триумфаторов и капуцинов.) Как будто там ничего не происходило помимо триумфов и процессий. Мелкая и жалкая идея, которая принесла нам лживое произведение, столь известное всем: настоящее поругание со стороны одного из самых великолепных человеческих гениев, какие когда-либо были! (Имеется в виду английский историк XVIII в. Э.Гиббон).

^{iii[21]} Заметьте, что в сущности, библейские персонажи должны бы быть нам особенно знакомы, так как черты их там лучше всего обрисованы. В этом одна из самых сильных сторон Священного Писания. Надо было добиться, чтобы путем нашего отождествления с ними библейские личности непосредственно влияли на наше внутреннее чувство, и этим приготовить души подчиниться влиянию еще более необходимому со стороны Христа: Библия и нашла способ так хорошо обрисовывать черты этих лиц, что образы их, внедряясь в сознание, производят на нас впечатление людей, с которыми мы живем в тесном общении.

^{iii[22]} Если бы я написал не к женщине, я бы особенно рекомендовал читателю, чтобы составить о том понятие, прочитать «Пир» Платона.

^{iii[23]} Впрочем, нет ничего понятнее огромной славы Сократа – единственного умершего из-за убеждений человека, смерть которого древний мир мог наблюдать. Этот единственный пример героизма убеждений должен был действительно поразить эти народы. Но не безумие ли так ошибаться по отношению к нему нам, видевшим, как целые народы жертвовали жизнью ради истины.

^{iii[24]} Пифагор не составляет в этом отношении исключения. Он личность баснословная, и ему приписывалось все, что угодно.

^{iii[25]} Вначале у магометан не было никакого враждебного чувства к христианам; только в результате продолжительных войн между ними и христианами у них возникла ненависть и презрение к последним. Что касается христиан, то совершенно естественно, что они должны были смотреть на магометан как на язычников, позднее как на врагов своей вoры; а те затем ими и стали.

^{iii[26]} Если пожелать составить себе понятие о нравственном влиянии Гомера в мире, следует только прочитать сочинение Плутарха (По-видимому, Чаадаев имеет в виду сочинение Плутарха «О жизни и поэзии Гомера» в 2-х книгах (*De vita et poesi Homeri, lib. I – II //Plutarchi Chaeronis moralia/recensuit G.Bernardkis. Lipsiae, 1896. Vol. VII*). Много сведений о Гомере и его поэзии содержится также и в трактате «Как юноше слушать поэтические произведения» (*Quomodo*

adolescens poetas audire deheat. Lipsiae, 1888. Vol. I) того же издания.) или главу Максима Тирского, к нему относящиеся (Гомеру посвящены три речи Максима Тирского в его сочинении «Maxime Turii Philosophumena/H.Hobein. Lipsiae, 1910. XVII, XXII, XXVI.). Затем в книге Геерена (Греции посвящена 2-я часть 3-го тома книги Геерена: *Heeren A.H.L. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten, Welt*, 3-е издание которой (Göttingen, 1821) имелось в библиотеке Чаадаева (Каталог. № 325). На полях книги есть его пометки (см.: о них: *Гречанинова В.С.* Библиотека П.Я.Чаадаева. Федоровские чтения. М., 1976), в том числе на с. 83 и сл., где идет речь о Гомере и его воздействии на формирование «моральной сущности» греков. Ср. о Геерене примеч. 26.) главы, в которых говорится о цивилизации греков, а в особенности все, что касается этого предмета, в отличном труде Крейцера о религиях древности. (*Creuzer G.F. Symbolik und Mythologie der altern Volker.* Lpz.; Darmstadt, 1810 – 1812. Bd. 1 – 3.).

^{iii[27]} Действие поэзии Гомера естественно сливается с действием греческого искусства, потому что она типичная представительница этого искусства, т.е. последнее создано поэзией Гомера, а греческое искусство продолжало ее действие. Впрочем, существовал ли такой человек, как Гомер, или нет – знать это не важно; историческая критика никогда не сможет вычеркнуть из жизни память о Гомере философа должна занимать идея, которая связана с памятью о ней, а не сама личность поэта,

^{iii[28]} Настоящим счастьем нашего времени является новая область, не загрязненная гомеризмом, которая недавно открылась для исторического размышления. Влияние идей Индии уже проявляется с большой пользой в развитии философии. Дал бы Бог, чтобы мы пришли как можно скорее этим окружным путем к той точке, куда нас не смогла до сих пор привести более прямая дорога. (Об интересе Чаадаева к Индии свидетельствует наличие в его библиотеке указанной в примеч. 23 книги Геерена, во 2-й части 1-го т. которой имеется специальный раздел об Индии. На полях этой части есть пометки Чаадаева (*Каталог*, № 325). Об этих же интересах Чаадаева в ранний период его творчества свидетельствует и фрагмент «Об архитектуре» (см. его в *ОРМ* и примеч. к нему). Позднее этот интерес не исчез, о чем свидетельствует переписка Чаадаева с бароном Д'Экштейном (*Письма*. № 74 и коммент. к нему, а также вступительную заметку к первой публикации этого письма: *Чемерисская М.Р.* Письмо П.Я.Чаадаева об индийской философии//Народы Азии и Африки. 1986. № 5. Следует отметить, что работы Геерена по гражданской истории и истории искусств пользовались популярностью в 20 – 30-е годы XIX в., что могло питать Чаадаева сведениями и соображениями по этому поводу. Так, еще до того, как Чаадаев приступил к написанию *ФП*, Геереном заинтересовался Д.В.Веневитинов (с которым Чаадаев мог быть знаком по совместному слушанию чтения автором драмы «Борис Годунов» в Москве в 1826 г.). В 1827 г. тяготевший к кружку Любоумудров, в который входил Д.В.Веневитинов, Н.М.Рожалин напечатал в «Московском Вестнике» за 1827 г. два перевода из Геерена – в кн. I (С. 304 – 321) о Рамайяне, в кн. IV (С. 394 – 407) о Махабхарате. Веневитинов перевел «Общие предварительные замечания» к 3-му т. указанной книги Геерена под названием «Европа» (см.: *Веневитинов Д.*, Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 170 – 181).

Часть книги Геерена была переведена под названием «Руководство к истории политических учений» (СПб., 1832 – 4834), М.П.Погодин напечатал «Лекции... по Геерену» (М., 1835 – 1836). На «Идеи» Геерена в самом начале 30-х годов опирался при характеристике искусства Древней Индии Н.И.Надеждин, читавший в это время курс истории искусства в Московском университете. Он отмечал, что «руководства этой части (т.е. истории искусства в Индии. – З.К.) ... в то время на русском языке не было, да и ныне (в 1854 г.) нет. Я прибегнул к единственно тогда бывшим у меня под рукой источникам: Геерену, к его «Идеям»» (цит. по: *Каменский З.А.* Н.И.Надеждин. М., 1984. С. 175). Это показывает, что Чаадаев в этих вопросах стоял на уровне тогдашней науки в ее новаторском для того времени направлении, которое возглавлял Н.И.Надеждин. О Геерене см.: *Бузескул В.П.* Из истории критического метода. Л., 1927.

Александр Васильев-Мюллер
15.05.2007

Х у с т – основан в 1090 г. венгерским Князем Густом, Карпатский институт предпринимательства Университета «Украина» - основан в 2000 г. Василием Козаком